

**Южная и Северная Осетия:
административно-территориальное разделение
(1801–1925 годы)**

Екатерина Архипова

Ключевые слова: Владикавказ, Владикавказский военный округ, Военно-Грузинская дорога, Грузино-Имеретинская губерния, Грузия, Дарьяльское ущелье, Двалети, Мамисонское ущелье, Нарский участок, Осетия Южная, Осетия Северная, V съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов Юго-Осетинской области, Союз объединённых горцев.

Отношения Южной Осетии с Грузией, Россией и Северной Осетией стали сегодня предметом не только политического, но и научного дискурса. Однако рассмотрение проблемы суверенитета Грузии над Цхинвальским районом (как называют Южную Осетию в Грузии) с позиции «кто первый» и «кто кому должен» не имеет смысла ни с точки зрения международного права, ни с точки зрения политической стабильности на Кавказе в целом. В периодической печати сейчас проявляется большой интерес к вопросу, почему же всё-таки Южная Осетия оказалась в составе Грузии. Выдвигаются предположения, что главная причина заключалась в неких субъективных, личностных мотивах¹. Явная направленность подобных высказываний на формирование определённого общественного мнения путем неполной публикации или предвзятой интерпретации документов делает необходимым анализ материалов, полученных в результате работы над темой «Проблема формирования границ на Кавказе». Такой анализ может помочь выяснить, почему так, а не иначе были проведены в XIX–XX веках административные границы между Южной Осетией и Грузией, с одной стороны, Россией — с другой.

Екатерина Владимировна Архипова, старший преподаватель кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета, Волгоград.

Большой Кавказский хребет нередко воспринимается как трудно-преодолимый барьер на пути экономических обменов и войск. Можно вспомнить, как в XIII веке Центральный Кавказ стал препятствием для распространения с севера на юг власти Джучидов, хотя тем и удалось вытеснить алан в ущелья и на южный склон Кавказского хребта². В то же время географическое строение Кавказа таково, что абсолютного препятствия он не образует и никогда не образовывал. Ущелья и перевалы открывали возможности и для миграций, и для экономических отношений, и для экспансии со стороны как местных племён, протогосударств и государств, так и завоевателей, приходивших извне. Вместе с тем «перешагивание» через Кавказский хребет каждый раз влекло за собой чрезмерные вложения ресурсов для удержания власти над приобретёнными за ним территориями. Политическое влияние или господство того или иного государства над Кавказом могло растягиваться на два-три-четыре века, но впоследствии обязательно наступал период «отката». Например, в XI–XIII веках в период расцвета Грузинского царства сфера его влияния в районе Центрального Кавказа распространялась к северу от Большого Кавказского хребта на земли алан, пшавов, тушин, дидойцев, предков современных вайнахов, и область Двалети — центр всей системы Большого Кавказского хребта — считалась грузинской. Но к XVIII веку сфера грузинского влияния сжимается и более не выходит за южные склоны Двалетского хребта.

Период Российской империи: ландшафт и управленческая целесообразность

Постепенное продвижение России на Кавказ осуществлялось с опорой на систему кордонных линий и контакты с местным населением. В 1763 году Кавказская кордонная линия была усилена строительством крепости Моздок, которую предписывалось заселить представителями христианских народов, в том числе крещёными осетинами³.

Получив к концу XVIII века в соответствии с международными договорами значительные территории Северного Кавказа, Российская империя приступила к проведению здесь первых территориально-административных реформ. В 1784 году было образовано Кавказское наместничество, объединившее Кавказский край с Саратовской губернией⁴. В екатерининском указе 1785 года южная граница Кав-

казского наместничества не обозначена, вероятно, потому, что она была очевидна: Кавказская кордонная линия⁵. С присоединением Картли и Кахетии в 1801 году гражданское и военное управление краем сосредоточилось в руках одного лица, получившего звание начальника Астраханской и Кавказской губерний, инспектора Кавказской линии и главноуправляющего в Грузии⁶. Ему подчинялись астраханский и кавказский губернаторы, командующий Кавказской линией и правитель Грузии. Столь широкое территориальное распространение верховной административной власти представлялось необходимым для синхронизации действий во всём регионе и концентрации военных резервов в одних руках. Но впоследствии выяснилось, что имеются серьёзные препятствия для осуществления эффективного контроля над краем.

Россия связывалась с Закавказьем только по Военно-Грузинской дороге Моздок — Владикавказ — Тифлис. Из-за особенностей рельефа сообщение по ней оставалось затруднённым, особенно в зимние месяцы. Вооружённые выступления осетин, проживавших рядом с дорогой, заставляли русское командование строить вдоль неё новые укрепления; возник даже план разместить в её окрестностях казачьи станицы, «с тем, чтобы запереть осетинам выход на плоскость и поставить их в положение, в котором они находились во время владычества в стране кабардинцев»⁷. С 1802 года Осетия в военно-административном отношении вошла в непосредственное подчинение главноначальствующему в Грузии⁸. Это, однако, не означало присоединения Осетии к Грузии; просто, нуждаясь в беспрепятственном сообщении с Грузией по Военно-Грузинской дороге, российские власти надеялись за счёт этого усилить контроль над беспокойной территорией. Но ландшафтный барьер всё равно оставался сильнейшей помехой. Усугубляли ситуацию трудности сообщения через Дарьяльское ущелье, в особенности в зимний период, когда тифлисский главноуправляющий слишком поздно узнавал о нападениях горцев и не мог своевременно реагировать на них. Не удивительно, что он стремился снять с себя ответственность за беспокойные северные районы. Таким образом, существенное, если не решающее значение при принятии впоследствии официального решения о разделении осетинских земель, согласно которому осетин, обитавших на южном склоне Кавказского хребта, причислили к Тифлисской области, а северных оставили в ведении Владикавказа, имел географический фактор.

В 1840 году всю территорию Закавказья, за исключением Абхазии, Мегрелии и Сванетии, разделили на Грузино-Имеретинскую

губернию с центром в Тифлисе и Каспийскую область с центром в Шемахе⁹. В состав Грузино-Имеретинской губернии вошли «Картлия, Кахетия, Имеретия, Гурия, Ахалцыхская провинция, Армянская область, Джаро-Белоканская область и Елисуйское султанство»¹⁰. Из территорий, занимавшихся горцами в Горийском, Тифлисском и Телавском уездах, в 1842 году были созданы Тушино-Пшаво-Хевсуретский и Осетинский округа. В состав Осетинского округа Грузино-Имеретинской губернии входили все земли, занятые осетинами, проживавшими на южном склоне Кавказского хребта, в том числе теми, чьи селения располагались вдоль Военно-Грузинской дороги. Северо-восточная граница губернии прошла по Главному Кавказскому хребту, отклоняясь в районе Двалетского хребта и Тушино-Пшаво-Хевсуретского округа к северу, в соответствии с границами Грузии до прихода России.

В середине XIX века к Владикавказскому военному округу относилось на юге пространство «до Дарьяльского ущелья, или до первого снегового хребта»¹¹. В 1859 году указом о преобразовании гражданского управления горскими народами Тифлисской губернии предусматривалось «Нарский участок Осетинского округа отделить во всех его частях от Тифлисской губернии, причислить к району управления левого крыла Кавказской линии», а «остальную затем часть Осетинского округа (отделённую от Владикавказа хребтом гор), оставив, по-прежнему, в ведении гражданского начальства Тифлисской губернии, присоединить к Горийскому уезду с переименованием в Осетинский участок»¹².

Нарский участок, о котором идет речь в указе, — это долина рек Закка, Зруг, Мамихдон, расположенная к северу от Двалетского хребта. По мнению членов правительственной комиссии Грузинской республики, образованной в начале 1990-х годов для исследования грузино-осетинских отношений, «Нарскую часть отделили от Тифлисской губернии и передали её Осетинскому военному округу из-за того, что она была расположена недалеко от Владикавказа»¹³. По представлениям грузин эта территория, так называемое Двалети, — исконно грузинская земля, заселённая в течение XIII–XIV веков осетинами и несправедливо переданная в 1859 году в ведение Владикавказа. Отметим, что эта административная реформа в своей основе была следствием учёта ландшафтного барьера, из-за которого затруднялись коммуникации, а значит, и обеспечение контроля над осетинами.

Мамисонское ущелье, прежде находившееся в составе Тифлисской губернии, а с 1846 года вошедшее в состав Кутаисской губер-

нии, в том же указе было «передано в ведение управления левого крыла Кавказской линии»¹⁴. Передача стратегически важных объектов в ведение начальника Кавказской линии, как представляется, была обусловлена более легким доступом к ним с северной стороны, чем с южной. Таким способом рассчитывали добиться контроля над беспокойными горскими землями.

По императорскому указу 1860 года всё пространство к северу от Большого Кавказского хребта стало именоваться Северным Кавказом. В состав его вошли Кубанская область — бывшее правое крыло Кавказской линии, Терская область — бывшее левое крыло и Ставропольский край. А все земли Российской империи к югу от Кавказского хребта получили название Закавказье¹⁵. Разделение демонстрировало не только разницу в уровне политического развития двух регионов, но и принципиальное различие в подходах к внутренней политике в них. Линией разделения опять-таки служил ландшафтный барьер — Большой Кавказский хребет.

С 1860-х годов в Северокавказском крае началась земельная реформа. Её проводили крайне осторожно, стараясь учитывать местную специфику, в том числе обычаи землевладения, особенности межсословных отношений. Вопрос о размежевании земель в удалённых труднодоступных районах нагорной Осетии остался не решённым до 1917 года.

Как видим, на оформление южной границы на Центральном Кавказе в первую очередь повлияли соображения о том, как обеспечить эффективное управление осетинскими землями. Линия границы шла по хребтам, покрытым ледниками, далее по Мамисонскому ущелью, Двалетскому хребту и выходила к Дарьяльскому ущелью.

1917–1921: новые республики — старые границы?

После Февральской революции на национальных окраинах Российской империи активизировались национальные движения, вскоре пришедшие к власти на местах в Закавказье. Вслед за советизацией началось административно-территориальное размежевание Северного Кавказа; в основу его был положен один из главных декларированных принципов большевиков — право наций на самоопределение.

14 октября 1920 года на совещании Политбюро ЦК РКП(б), где участвовали также делегаты I съезда народов Востока, было принято

постановление о «проведении в жизнь автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые ещё не имеют автономных учреждений»¹⁶. Во Владикавказе 27 октября того же года состоялось заседание Кавказского бюро ЦК РКП(б), на котором было признано «своевременным образование Терской и Дагестанской горских советских республик типа Башкирской Советской республики»¹⁷.

Три недели спустя, 17 ноября, во Владикавказе открылся съезд народов Терека. На нём провозглашалась необходимость формирования национальных Советов у северокавказских народов — «у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной горской территории казаков»¹⁸. Образованная 20 января 1921 года Горская Автономная ССР определялась «границами земель народов Терской области: чеченцев, осетин, ингушей, кабардинцев, балкарцев и карачаевцев»¹⁹. Другими словами, в первом же документе об учреждении области указывалось, что её рубежи проводятся по этническим границам. Однако линия границы с Закавказьем в тексте документа не была чётко обозначена. Стоит обратить внимание и на формулировку «граница земли осетинской»: подразумевала ли она и осетин Южной Осетии? В советских документах того периода, в частности, в переписке Сталина с Орджоникидзе и другими к населению Южной Осетии применялся особый термин «юго-осетины»... Не снимая полностью данный вопрос, отметим, что в документе речь, скорее всего, шла именно о старой границе между Северной и Южной Осетией.

Согласно постановлению VII съезда Советов Президиум ВЦИК должен был разработать вопрос об административно-территориальном делении советских республик «в соответствии с новыми задачами политической и хозяйственной жизни страны»²⁰. Главным направлением реформ признавались экономическая целостность районов и решение политических вопросов²¹. Для урегулирования территориальных споров между республиками при Президиуме ВЦИК в 1920 году была создана Административная комиссия по вопросам территориального деления РСФСР, определения границ автономных республик, областей, губерний и уездов²².

Основная внешнеполитическая цель грузинского правительства 1917–1921 годов состояла в установлении суверенитета над всей территорией Грузии, которая определялась следующим образом: «провинции Картли, Кахетии, Самцхе-Саатабаго, Имерети, Гурия, Мегрелия, Сванетия и Абхазия»²³. Примечательно, что на тот момент

грузинское руководство не контролировало все перечисленные земли, однако планировало в будущем распространить на них свою власть.

28 мая 1917 года правительство Демократической республики Грузии (ДРГ) заключило соглашение с Германией. Благодаря этому Грузия, во-первых, получала признание иностранного государства, во-вторых — поддержку немецкой армии, взамен предоставив Германии значительные права на своей территории²⁴. С такой помощью можно было приступить к восстановлению целостности республики. Немецкие офицеры были приняты в грузинскую армию в качестве советников, некоторое время немецкие войска занимали Дарьяльское ущелье²⁵.

Одновременно, после провозглашения ДРГ в Южной Осетии отдельные националистические и большевистские группы стали агитировать за присоединение к России²⁶. В 1919 году, когда в Южной Осетии началось большевистское восстание, местный Совет объявил о её автономии. Грузинская армия пыталась восстановить контроль над осетинской территорией. Ирредентистские настроения, подпитываемые большевистскими идеями, пользовались популярностью у местного населения. Революционный комитет Южной Осетии, объявив в ней 6 мая 1920 года советскую власть, «ввёл» область в состав России. Большевики Южной Осетии отправили Ленину следующую телеграмму²⁷:

«Восставшая Южная Осетия — это часть Советской России, в шовинистическую меньшевистскую Грузинскую республику никогда не входила и не желает входить».

Но правительство Советской России в тот момент официально не поддержало отделение Южной Осетии от Грузии, а в 1920 году признало эту территорию в составе Грузии. Союз объединенных горцев, созданный в 1917 году и рассчитывавший на объединение всей территории Северного Кавказа, включая Закатальский и Сухумский округа, тоже не претендовал на Южную Осетию²⁸.

К концу Первой мировой войны английские и французские войска сменили немцев. Район Дарьяльского ущелья был занят англичанами²⁹. Вопрос о северных границах республики грузинское правительство предполагало рассмотреть на Парижской мирной конференции, где оно рассчитывало добиться международного признания и государственности Грузии, и её границ³⁰. Однако английское командование долго колебалось и рекомендовало вначале обсудить все проблемы с Москвой³¹.

С апреля 1920 года грузинское правительство в лице эмиссара Урачадзе «вело в Москве переговоры с Чичериним на предмет признания Грузии большевиками»³². Тогда же азербайджанское правительство предприняло попытку договориться с Грузией о совместной обороне против большевиков, но в Тифлисе предпочли установить официальные отношения с северным соседом. 7 мая 1920 года советское правительство заключило мирный договор с ДРГ, в нём определялась граница Грузии. В частности, в центральной части Кавказа она следовала **«по северной границе бывших губерний** (выделено мной. — А. Е.) Черноморской, Кутаисской и Тифлисской до Закатальского округа»³³. Перевалы были объявлены нейтральными. На Дарьяльском перевале нейтральная зона устанавливалась «от Балты до Коби», на Мамисонском перевале — «от Заремага до Они, а на всех прочих перевалах на пятивёрстное, в обе стороны от пункта прохождения границы, расстояние»³⁴. В статье четвёртой оговаривалось, что «точное проведение государственной границы между обеими сторонами будет произведено особой смешанной комиссией». Но комиссия так и не была образована.

В целом договор был выгодным для грузинской стороны. Во-первых, в нём признавались независимость ДРГ и её суверенитет над территорией, которую грузинские власти определяли как исконно грузинскую, во-вторых, к этой территории были сделаны приращения за счёт Абхазии и Закатальского округа.

Логика построения национального грузинского государства основывалась, помимо прочего, на использовании мифов о давней принадлежности той или иной территории Грузии. Так, в районе Центрального Кавказа Грузия пыталась удержать населённые осетинами южные склоны Кавказского хребта вплоть до Дарьяльского ущелья, ссылаясь на то, что территория Южной Осетии и до появления на ней осетин, и во время их пребывания там принадлежала грузинским князьям. Но фактически контроль грузинских властей не распространялся на высокогорье Центрального Кавказа.

1925: объединение двух Осетий?

В этом году в южно-осетинской среде возникает идея объединения обеих Осетий. Уже упомянутая Грузинская комиссия полагала, что инициатива объединения исходила из Северной Осетии³⁵. Но,

если судить по свидетельствам Г. К. Орджоникидзе и архивным данным, организатором движения выступил Такоев — «юго-осетин, вернувшийся из Северной Осетии после провозглашения Советской власти в Грузии»³⁶. В мае 1925 года группа делегатов-осетин встречалась со Сталиным, чтобы убедить его в целесообразности объединения двух Осетий с последующим их вхождением в состав Грузинской ССР.

Тот же вопрос был поднят на проходившем в марте 1925 года V съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов Юго-Осетинской области, где было высказано согласие на объединение областей в пределах Грузинской ССР. Обоснование формулировалось следующим образом³⁷:

«Осетия в целом представляет из себя однородную народность и занимает одну сплошную территорию. Только благодаря географическим условиям... при которых непосредственные сношения между обеими Осетиями возможны только в летние месяцы, когда на перевалах стаивает снег, Осетии до сих пор приходится вести разобщенную жизнь... Но с самого начала революции этот вопрос (объединения. — *Е. А.*) неоднократно ставился в порядке дня всех съездов и конференций — до советизации Осетии. На этих съездах всегда выносилось принципиальное решение объединиться, но, благодаря отсутствию дорожной связи, фактически никогда не удавалось проводить его в жизнь... Таким образом, вопрос объединения Осетии есть **вопрос устройства дороги**» (выделено мной. — *Е. А.*)

В очередной раз разделение Осетий объяснялось особенностями ландшафта.

На съезде выступили и сторонники присоединения Южной Осетии к Северному Кавказу. Упирая на экономически наиболее, с их точки зрения, рациональную направленность торгово-экономических связей в регионе, они утверждали, что «будь в наличии хорошая перевалочная дорога, несомненно, Юго-Осетия покупала бы более дешёвый северо-осетинский хлеб и вообще бы вела свою торговлю в сторону Северного Кавказа»³⁸. В пользу присоединения к РСФСР выдвигались и такие доводы³⁹:

«На наш взгляд... целесообразнее войти в состав РСФСР, как автономная республика (примерно как Дагестан) <...> Осетия в целом никакого тяготения к Грузии не имеет, во-вторых, если даже исходить из чисто технической стороны вопроса, то разве можно 200 000 часть Северной Осетии (речь идет о населении. — *Е. А.*), совершенно ничем не связанную с Грузией, связать с ней. В Юго-Осетии всего 80 000. Северная Осетия совершенно ничем не тяготеет к Грузии...».

То есть акцент делался на тяготении южных и северных осетин друг к другу и одновременно — на отсутствии тяготения всех осетин к Грузии. Кроме того, сторонники присоединения к РСФСР надеялись, что проблема земельного обеспечения осетин решится в составе Северо-Кавказского края значительно проще, чем в составе Грузинской ССР.

После длительных споров Советы Юго-Осетинской и Северо-Осетинской автономных областей всё же приняли постановление о вхождении в состав Грузинской ССР⁴⁰. Но этим постановлением вопрос ещё не был закрыт, требовалось утверждение в Москве. Президиум ВЦИКа поручил своему представителю организовать дискуссию Северо-Кавказского крайисполкома с Грузинским ЦИКом о возможности объединения автономных областей и дальнейшего их вхождения в состав Грузинской ССР. Одновременно по этому же вопросу шла интенсивная переписка между большевистскими лидерами. По мнению Сталина, могли возникнуть значительные проблемы в отношениях с ингушами, «так как план объединения двух частей Осетии может облегчить дело перехода Владикавказа в руки осетин»⁴¹; что касается нехватки земельных ресурсов, то Сталин предлагал типичный для него рецепт⁴²:

«Осетинский план присоединения к Осетии Мосдокского (так в оригинале. — Е. А.) района фантастичен и совершенно неприемлем, о чем я сказал осетинам. Думаю, что излишек осетинского населения можно было бы переселить на фондовую землю, с тем, чтобы потом составить из осетинских сил национальный район с исполкомом, подчинённым Ростову».

А. И. Микоян, отвечая Сталину, предположил, что в случае объединения двух Осетий в границах Грузии могут произойти опасные изменения в сфере межнациональных отношений⁴³:

«Несмотря на географические неудобства, хозяйственное обобщение Южной и Северной Осетии и их объединение с точки зрения разрешения национального вопроса для Осетии, наверное, будет целесообразным. Однако включение объединённой Осетии в состав Грузии и переход в Закавказье ставит под угрозу установившиеся межнациональные взаимоотношения среди национальностей Северного Кавказа и может явиться брешью в недавно организованном Севкрае, покоящемся на задачах примирения трех антагонистических слоёв — горцев, иногородних с казаками. Это может явиться прецедентом к превращению в республику Чечни, Кабарды и проч.,

что может нарушить трудно установившееся равновесие между ними... включение объединённой Осетии в состав РСФСР, не Грузии считаем политически целесообразным, имея в виду внутреннее равновесие Грузии...».

Как видно, большевистские руководители, вышедшие с Кавказа, понимали комплексный характер проблемы, возможные последствия вхождения Северной Осетии в состав Грузии: пришлось бы передать часть территории, занимаемой ингушами на востоке, казаками на севере, балкарцами и кабардинцами на западе. Поэтому ЦИК СССР тянул с окончательным решением. ЦИКи РСФСР и ЗСФСР не возражали против объединения. Правда, при голосовании Закавказского ЦИКа особое мнение высказал А. Назаретян. Характерно, что его возражения против объединения Осетий опять же сводились к затрудненности межосетинских коммуникаций из-за ландшафтного барьера⁴⁴:

«Ввиду того, что в ближайшие 5–10 лет⁴⁵ экономическое объединение невозможно, за отсутствием путей сообщения (перевал, объединяющий Северную Осетию с Южной, закрывается на 9 месяцев) разрешение вопроса об объединении автономных областей Северной и Южной Осетий считаю преждевременным».

Наконец, в августе 1925 года Президиум Северо-Кавказского крайисполкома постановил⁴⁶:

«...Во изменение постановления Президиума от 12/VII с. г. (прот. № 23/46, § 239) считать невозможной передачу Северной Осетии в Закавказскую Федерацию. Против объединения Северной и Южной Осетии не возражать, но признать целесообразным такое объединение лишь в случае перехода Южной Осетии из Закавказской Федерации в РСФСР».

Таким образом, позиция Северо-Кавказского крайисполкома по вопросу, куда входить объединённой Осетии, склонилась в сторону России. Но и такое решение было чревато негативными последствиями, например, возникновением напряженности между Грузией и РСФСР. Орджоникидзе полагал, что «более никчемного и неосуществимого решения трудно придумать, а здесь даётся пища для всякой болтовни о том, что Россия хочет отнять у Грузии Цхинвал»⁴⁷. В итоге решено было прервать переговоры и оставить каждую автономную область в составе той республики, в которую она входила до их начала⁴⁸.

* * *

Итак, процесс воссоединения двух Осетий, инициированный в первой половине 1920-х годов «юго-осетинами», был практически заторможен «наверху». При этом определяющими для центральных органов СССР оказались опасения по поводу возможного обострения после объединения межнациональных отношений в регионе; в качестве же дополнительного аргумента постоянно фигурировали особенности рельефа, затруднявшие связи между двумя Осетиями. Так правительственным решением была закреплена граница, разделившая этнос.

Сейчас принято считать это решение ошибочным, а в ошибке винить большевиков и российскую власть в целом. Но факты показывают, что такое разделение было необходимым: граница 1925 года совпадала с рубежом, исторически проверенная целесообразность которого была обусловлена, с одной стороны, наличием труднопреодолимого тогда ландшафтного барьера, с другой, соображениями об эффективности управления и о наилучшей при данных обстоятельствах организации хозяйственной деятельности.

Первопричиной всё же должна быть названа ландшафтная специфика. Именно от неё зависели объём и диапазон коммуникаций в районе Центрального Кавказа. В период распространения власти Российской империи на территорию Кавказа его разделение по Главному Кавказскому хребту способствовало установлению более полного контроля над вновь подчинённым пространством. В годы советской власти стремление объединить земли северных и южных осетин в одну административно-территориальную единицу осталось не реализованным опять же по причине их разделения ландшафтным барьером, который мог помешать не только управлению краем, но и самому хозяйственному взаимодействию. В силу географических причин территория современной Южной Осетии как раз экономически — а потому и политически — всегда была более тесно связана с Закавказьем, а не с Предкавказьем.

С улучшением качества коммуникаций, конечно же, возникают предпосылки для развития трансграничного сотрудничества, и кавказский регион не является тут исключением. Но создание нового национального объединения, реорганизация уже устоявшихся политических связей чревата дестабилизацией, тем более на Кавказе с его особенностями ландшафтного строения и расселения. А в условиях войны и/или длительного политического противостояния

трансграничное взаимодействие возможно либо в теневой сфере, либо с позиции силы. Что и происходит там, где существуют непризнанные государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Умеренков Е. Как Сталин чуть не отдал Грузии Северную Осетию // Известия, 2006, 13 ноября. Постоянный адрес статьи: <http://www.izvestia.ru/hystory/article/3098233>.

² Берозов Б. П. Путь, равный столетию. Очерк истории аграрного развития Северной Осетии в XIX в. Орджоникидзе, 1986. С. 10–11.

³ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. М., 1957. С. 219–220.

⁴ Блешева З. М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX в. Учебное пособие. Владикавказ, 1992. С. 20.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. XXII. С. 338.

⁶ Подробнее см.: Блешева З. М. Указ. соч.; она же. Осетия в системе административного управления России в конце XVIII — первой половине XIX в. // Роль России в истории Осетии: Сб. науч. трудов / Ред. В. В. Дегоев и др. Орджоникидзе, 1989. С. 31.

⁷ Потто В. А. Кавказская война. В 5 т. Т. 1. Ставрополь, 1994. С. 131.

⁸ Берозов Б. П. Путь, равный столетию... С. 29.

⁹ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 19.

¹⁰ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16 (Кавказский край). Ч. 5. СПб., 1858. С. 219.

¹¹ Там же. С. 134.

¹² Указ «О преобразовании гражданского управления горскими народами Тифлисской губернии», 19 июня 1859 г. // ПСЗ РИ. Т. XXXIV. С. 588.

¹³ Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов. Заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области. Тбилиси, 1991. С. 13.

¹⁴ Указ «О некоторых преобразованиях по гражданскому управлению Джаро-Белоканского военного округа», 19 июня 1859 г. // ПСЗ РИ. Т. XXXIV. С. 589.

¹⁵ Приказ военного министра 18 января 1860 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 7. Д. 379. Л. 20–23; Указ «О том, чтобы правое и левое крылья Кавказской линии именовать Кубанскою и Терскою областями, а всё пространство к северу от главного хребта Кавказских гор — Северным Кавказом», 8 февраля 1860 г. // ПСЗ РИ. Т. XXXV. С. 122.

¹⁶ Вопросы истории КПСС, 1957. № 2. С. 16–17.

¹⁷ Дидигова И. Б. Чечня и Ингушетия: территория, границы, управление. М., 2003. С. 59.

¹⁸ Доклад И. В. Сталина о Советской Автономии Терской области на съезде народов Терской области, 17 ноября 1920 г. // Образование СССР: Сб. документов 1917–1924 гг. / Под ред. Э. Б. Генкиной. М., 1949. С. 188.

¹⁹ Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета об образовании Автономной Горской Советской Социалистической Республики, 20 января 1921 г. // Там же. С. 193; См. также: Постановление Всероссийского центрального

исполнительного комитета об Автономной Горской Социалистической Советской Республике // Декреты Советской власти: Сборник. Т. XII. М., 1986. С. 193.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5677. Оп. 1. Д. 3415. Л. 1–9.

²¹ История национально-государственного строительства в СССР: Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917–1936 гг.). М., 1968. С. 307, 308, 414; *Дидигова И. Б.* Указ. соч. С. 61; Съезды Советов Союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов. 1923–1937. Т. V. М. 1964. С. 81.

²² ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 3. Д. 17. Л. 230.

²³ Из постановления учредительного съезда национально-демократической партии о территории Грузии // *Гамахария Д., Гогия Б.* Абхазия — историческая область Грузии: Сборник документов. Тбилиси, 1997. С. 387.

²⁴ Из соглашения между меньшевистским правительством Грузии и германским правительством об оккупации Грузии германскими войсками, 28 мая 1918 г. // Из истории гражданской войны. Сб. документов и материалов. В 3 т. Т. 1. М., 1960. С. 561–562.

²⁵ Телеграмма Г. К. Орджоникидзе в Наркомвоен, Главкому и в Царицын о положении в Терской области, 9 сентября 1918 г. // Там же. С. 582. См. также: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней / Гл. ред. Х. Г. Берикетов. Т. 2. М., 1967. С. 67.

²⁶ Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов... С. 27–28.

²⁷ Там же. С. 515.

²⁸ История Северной Осетии: XX век / Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО-А. М., 2003. С. 128, 397; Из ст. И. В. Сталина «Положение на Кавказе», 23 мая 1918 г. // Документы по истории борьбы за Советскую власть и образование автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / Сост. Р. Х. Гугов. Нальчик, 1983. С. 164.

²⁹ *Blouet B. W.* Sir Halford Mackinder as British High Commissioner to South Russia, 1919–1920 // *Geographical Journal*, 1976. Vol. 142. No. 2. P. 231.

³⁰ *Гамахария Д., Гогия Б.* Абхазия... С. 92, 757.

³¹ *Ментешавили А. М.* Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918–1921 гг.). Тбилиси, 1990. С. 28.

³² Азербайджанская Демократическая республика (1918–1920). Баку, 1998. С. 261.

³³ Мирный договор между РСФСР и Демократической Республикой Грузия, заключенный в Москве, 7 мая 1920 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Вып. 1. Пг., 1922. С. 27.

³⁴ Там же. С. 27.

³⁵ Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов... С. 73.

³⁶ *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи: В 2-х т. Т. 1. М., 1956. С. 352; см. также: Выписка из протокола № 1 заседания Президиума ВЦИК от 25 мая 1925 г. об объединении Юго-Осетинской и Северо-Осетинской областей и преобразовании объединенной области в автономную республику и материалы к ней. 1925–1928 гг. // ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 140. Д. 175.

³⁷ *Бегизов М.* (ответственный секретарь Цхинвальского комитета КПГ (б)). К вопросу объединения Северной и Южной Осетии // ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 140. Д. 175. Л. 6.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 2.

⁴⁰ Записка зампреда крайисполкома Куликова Президиуму ВЦИК, май 1925 г. // Там же. Л. 11.

⁴¹ Письмо И. В. Сталина А. И. Микояну 23 мая 1925 г. См.: <http://www.abkhazeti.ru/pages/1/144.html>.

⁴² Там же.

⁴³ Телеграмма А. И. Микояна И. В. Сталину 8 июня 1925 г. // Там же.

⁴⁴ Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов... С. 77–78.

⁴⁵ Предполагалось, что в ближайшую пятилетку система коммуникаций между Северной и Южной Осетией будет налажена.

⁴⁶ Выписка из протокола № 24/49 заседания Большого Президиума Северокавказского краевого Исполнительного комитета, 31 августа 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 140. Д. 175. Л. 29.

⁴⁷ *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи... Т. 2. С. 63.

⁴⁸ Справка консультанта Муромцева «Осетинский вопрос» 11 февраля 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 140. Д. 175. Л. 44.